обличения русских в греках со ссылкой на «пророка господня»: «Сынове, сынове рустии! Почто ходисте пред господом богом, сотворшим вас, в похотех сердец наших! Или не слышасте пророка господня глаголюща сице: Аще хощете и послушаете мене, благая земная снесте, Аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружие вас пояст, уста бо господня глаголаша сия».[31]

Прямо указывает на образец своего «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства» его автор, когда прерывает скорбные сетования словами: «О кто даст главе моей воду и очима моима источник горких слез неисчерпаемых? и восплачю дщери нового Сиона, преславно царьствующего нашего града Москвы, якоже любоплачевен пророк, яже древле Иерусалиму плачет злая».[32] Вся первая часть этого своеобразного рассказа о событиях Смутного времени начала XVII в. представляет собой горестные размышления автора о гибели былой славы Руси, изображенной риторическими образами («како падеся толикий пирг благочестия, како разорися богонасажденный виноград, его же ветвие многолиственною славою до облак вознесошася и грозд зрелый всем в сладость неисчерпаемое вино подавая»). Подобно автору «Слова о погибели Русьскыя земли» вспоминает ритор XVII в. международное значение Московского государства, хотя и делает это в форме простого утверждения («Весь благоприятный о Христе народ весть высоту и славу великия России, како возвысися и колик страх бысть бесерменом и германом и прочим языком»). Вместо описания природы и городов, широких русских просторов в Плаче XVII в. — пространное описание богатств, собранных в московских храмах и царских палатах («внутрь златом украшени и шары доброцветущими устроены! колико сокровищ чудных, царских диадим и пресветлых царских багряниц и порфир, и камения предрагаго и всякого бисера многоценного бысть преисполнено! . .»).

«Разорение и запустение» государства изображается в форме скорбного перечня насилий врагов, надругательства над святынями, грабежей и убийств. Этот перечень переходит в обличение «неправд, гордения, грабления и лукавства» и «прочих злых дел», за которые и наказано государство: «правда в человецех оскуде и воцарися неправда, и всяка злоба и ненависть и безмерное пиянство и блуд и несытное мздоимание, и братоненавидение умножися, яко оскуде доброта и обнажися злоба и покрыхомся лжею». В такой обобщенной форме автор изобразил и злодеяния правящих верхов, и крестьянскую войну, и интервенцию. И лишь после этого обширного лирического вступления он начинает рассказ о первом Самозванце. Заключение возвращает нас опять к скорбным возгласам растерявшегося человека, который видит один путь борьбы с врагами (интервентами): «просити милости у всещедрого бога». Начало и конец повествования о событиях представляют собой излияния «гражданственных» настроений автора, преломленных сквозь это господствующее чувство страха

---

[31] В. Сахаров. Сказания русского народа, т. I, книга IV. СПб., 1841, стр. 55. Библейскую традицию изображения страны, скорбящей о «нестроении», об ошибках — «грехах» правителей, напомнил Максим Грек, когда он выразил свое горе по поводу смуты, посеянной боярским правлением в годы детства Ивана IV, в форме беседы с женой, символизирующей Русское государство. Эта скорбящая жена-страна так нарисована Максимом Греком: «Шел я по трудному и многоскорбному пути и увидел жену, сидящую при пути, которая, наклонив голову на руки и на колено свое, горько и неутешно плакала. Она была одета в черную одежду, приличную вдовам» (Сочинения преп. Максима Грека в русском переводе, часть первая. Троице-Сергиева лавра, 1910, стр. 203).

[32] Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3. Л., 1925, стлб. 224.